

ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТЬ ОБРАЩЕНИЙ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ДИСКУРСЕ А.П. ЧЕХОВА

А.А. Степанова

*Кандидат филологических наук,
научный сотрудник Научно-исследовательского центра
теории и практики коммуникации им. Ю.С. Степанова
e-mail: st.anna@bk.ru*

Институт языкознания РАН

*Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда
(проект №19-18-00040) в Институте языкознания РАН*

Статья посвящена исследованию лингвокреативности эпистолярного дискурса А.П. Чехова на материале обращений к адресатам. Лингвокреативность в этом виде дискурса реализуется на всех уровнях (лексическом, морфологическом, синтаксическом и т.д.) с целью сокращения дистанции между коммуникантами и поддержания непринужденного общения.

***Ключевые слова:** лингвокреативность, обращение, эпистолярный дискурс, А.П. Чехов.*

В основе данной статьи лежит одно из ряда исследований лингвокреативности эпистолярного дискурса русских писателей второй половины XIX века, проводимых автором в рамках гранта РНФ №19-18-00040 «Параметризация лингвокреативности в дискурсе и языке». В целом проект состоит из трех этапов, каждый из которых посвящен переписке литературных деятелей России трех периодов: эпистолярным конца XIX века (А.П. Чехова, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева), эпистолярным первой четверти XX века (Б.Л. Пастернака, М.И. Цветаевой, В.Я. Брюсова) и эпистолярным советского периода (С.Я. Маршака, М.А. Шолохова, К.Г. Паустовского). Выбор данных периодов обусловлен рядом факторов.

XIX век – особый период для эпистолярного дискурса. Традиции переписки впервые пошатнулись в связи с появлением телефона, более современного и удобного средства связи. Кроме того, переписка перестает быть прерогативой элитарных слоев населения, так как растет грамотность среди более низких слоев, можно сказать, переписка «уходит в народ». Н.В. Сапожникова подчеркивает значимость этого периода для развития эпистолярного дискурса. Исследовательница отмечает, что «письма той поры перерастают отведенные им многовековой историей рамки, свидетельствуя, с одной стороны, о рождении оригинальной исповедальной традиции. С другой – демонстрируют поразительно талантливую открытость личности навстречу миру с ее способностью

прочитывать человеческие смыслы реальной, невыдуманной действительности, переводя информацию на язык философский с помощью эпистолярных средств «повседневного бытования» [Сапожникова 2005: 4].

Понятию лингвокреативности в последнее время посвящено достаточно много работ (см.: [Азарова 2014, Бутакова 2013, Демьянков 2009, Зыкова 2017, Фещенко 2008] и др.). Вслед за И.В. Зыковой мы понимаем лингвистическую креативность комплексно как процесс построения языковой системы и ее функционирование в речевом общении, а также как реализацию креативных возможностей системы на всех ее уровнях. Лингвистическая креативность складывается из более специфических процессов: просодической креативности, лексической креативности, словообразовательной креативности, синтаксической креативности, стилистической и многих других [Зыкова 2017: 628–629].

Эпистолярный дискурс, принимая концепцию Н.Д. Арутюновой, мы понимаем как «связный текст в совокупности с экстралингвистическими факторами; текст, взятый в событийном аспекте» [Арутюнова 1990: 137]. Эпистолярный дискурс активно исследуется в современной лингвистике [Курьянович 2001, 2009, 2014; Сапожникова 2005; Долженко, Соскунова 2013; Сасимович, Лешутина 2012; Матвеева 2012; Ланге 2009; Кыштымова 2008; Фесенко 2008, 2009; Демешкина 2010], при этом реализуется множество подходов.

Популярна концепция описания эпистолярного дискурса через понятие речевого жанра [Курьянович 2001]. Текст письма разбивается на отдельные фрагменты, которые понимаются как «отрезки эпистолярной письменной речи, соответствующие определенным текстовым фрагментам и характеризующиеся следующими коммуникативными признаками: иллокутивной направленностью, жанровой ориентацией, особыми языковыми средствами выражения. Каждый из речевых сегментов обладает статусными характеристиками микроструктуры – смысловой, семантической, лексической, – в соответствии с различными уровнями восприятия» [Курьянович 2001: 5]. Эпистолярный дискурс представляется совокупностью следующих речевых жанров: этикетные, информативные, оценочные, императивные [там же].

О.П. Фесенко отмечает, что основным в эпистолярном дискурсе является тот факт, что он создается в процессе общения и отражает коммуникативный контакт между автором и адресатом [Фесенко 2008]. Она определяет эпистолярный дискурс как «речевое произведение, созданное и функционирующее с учетом определенной национально-временной эпистолярной традиции, имеющее письменную форму и реализующееся во всем многообразии его когнитивно-коммуникативных функций» [Фесенко 2008: 140].

Н.В. Сапожникова, исследуя эпистолярные XIX века, приходит к выводу, что дискурсивный подход позволяет выделить смысловые пласты письма. Текст включает, согласно исследованию ученого, «поведенческо-бытовые и экзистенциально-феноменологические институты, став особой дискурсивной практикой с ее магией «оживления» бумажного текста, метафоризацией эпистолярных образов, «высушиванием» в отдельных случаях эмоционально-психологического фона, а порой, напротив, «наращиванием» сценарного динамизма» [Сапожникова 2005: 19].

Эпистолярный дискурс в силу своих особенностей предполагает диалогичность. Так, Н.И. Белунова называет письмо «половиной диалога» [Белунова 1998: 79], а обращения и другие этикетные формулы усиливают диалогичность, как отмечает Т.В. Демешкина [Демешкина 2010].

Как известно, А. Чехов не предназначал своих писем для печати. Он даже не предполагал, что они будут изданы. Это отличает эпистолярный дискурс А. Чехова от дискурса, например, его современника Л.Н. Толстого, который еще при жизни стал классиком и признанным авторитетом в русской литературе. Л. Толстой готовил свою переписку для будущей публикации. Письма с помощью его секретаря Черткова каталогизировались, неприятные для Толстого места вымарывались. Кроме того, известно, что он пользовался черновиками для написания писем. В силу этого письма Толстого очень напоминают его художественную прозу.

Эпистолярный же дискурс А. Чехова крайне диалогичен, содержит много элементов разговорного стиля, что дает исследователям богатый материал для изучения.

Цель нашей работы – выявить лингвистическую креативность обращений в эпистолярном дискурсе А.П. Чехова на разных уровнях.

Материалом послужили обращения, полученные методом сплошной выборки из эпистолярного наследия писателя.

Непосредственно к материалу нашего исследования обращались уже Н.Г. Долженко и О.А. Соскунова, но делали акцент на обращение как на «наиболее показательный элемент авторского стиля... и важный элемент национально-культурного наследия в целом» [Долженко, Соскунова 2013: 38].

Дружеская переписка А. Чехова отличается игривостью, легкостью стиля и непременно юмористической составляющей. Обращение выполняет важную функцию. Оно задает правила языковой игры, настроение и отношение к адресату.

В процессе работы над материалом было отмечено, что А. Чехов очень часто отступает от канонов эпистолярного жанра, принятых в этот временной период. Этикетные формулы, в частности обращения, подвергаются разного рода трансформациям, что осуществляется для привлечения внимания, создания интимно-дружеского и легкого характера

коммуникации, подготовки собеседника к разговорно-непринужденной манере общения. Такой прием сглаживает дистантность коммуникантов и создает иллюзию разговора в реальном времени.

Проанализировав «аномальные» обращения, мы выявили присутствие лингвистической креативности на всех уровнях: графическом, орфографическом, морфемном, синтаксическом, словообразовательном и лексическом.

Лексический уровень можно назвать самым продуктивным для процесса лингвокреативности в эпистолярном дискурсе.

Наибольшее мастерство в разрывании шаблонов наблюдается на материале **эпитетов**, которыми А.П. Чехов наделяет адресатов. Лингвокреативность в этом случае основана на неожиданном сочетании эпитета и определяемого слова, а также на нетрадиционном использовании определенного эпитета в качестве обращения, например, *Доброчащевавший брат мой, Александр Павлович! Наша собственная сестра! Недугующий Николай Александрович! Ненастоящий Чехов! Беззаконно живущий и беззаконно погибающий брат мой! Многоуважаемый и добрейший, как самая добрая мамочка, Леонид Николаевич! Добрейший и тяжелейший на подъем Франц Осипович! Образованнейшая и лютейшая Любовь Александровна! Мудрейший, а, следовательно, и ехиднейший Соломон! Женатый коллега! Таможенный брат мой!* Такие эпитеты акцентируют выдающиеся качества адресатов или подчеркивают особые их жизненные обстоятельства.

А. Чехов часто использует **псевдонимы и прозвища**. Обращается к В.А. Гиляровскому – *Гиляй* (знаменитое на всю Москву прозвище и газетный псевдоним), к П.А. Сергеенко – *Милейший Йорик* (известно, что Бедный Йорик был псевдонимом литератора).

Особо выделяется обращение к брату Ал.П. Чехову как к некому *Гусеву*. Эта номинация встречается, пожалуй, чаще, чем настоящее имя брата, причем со временем изменяется до следующих вариантов: *Гусиных! Гуськов! Милый Гусопуло! Гусиади!* и даже *Уважаемый Акакий Спиридоныч господин Гусев!* Этот ряд трансформаций демонстрирует лингвокреативность на **словообразовательном уровне**.

Для А.П. Чехова характерна игра словами, придумывание прозвища своим адресатам, например, к М.Р. Семашко он обращается *Милый Семаша*, к О.Л. Книппер – *Книппуша, Книпищиц, Книпперуша*.

Милым Альбой называет А.П. Чехов И.Л. Леонтьева (Щеглова) вслед за прозвищем **Эгмонт**, которое дал ему этот литератор. Но здесь номинация имеет **прецедентную основу**. Альба и Эгмонт – это герои трагедии Гете «Эгмонт», которая была популярна в то время на театральных подмостках. И это не единичный случай прецедентного текста в исследуемых обращениях.

В письме к И.Л. Леонтьеву (Щеглову) А.П. Чехов называет писателя *Дачным мужем* по названию произведения этого автора, которое считалось удачным и принесло Леонтьеву некоторую известность.

Извиняясь за задержку в оплате квартиры, А.П. Чехов обращается к хозяину Я.А. Корнееву словами из Часослова: *Многотерпеливе и многомилостиве!* (См. отрывок письма: *«Многотерпеливе и многомилостиве! Иже праведные любяй и грешные милуяй! Вместо платы за квартиру посылаю Вам том моих экскрементов. За квартиру же – увы! – уплачу через сто лет (или же ранее, при первой получке). Если не согласны, то подавайте мировому»* (9 сентября 1887 г.).

Прецедентным является также обращение *Любезный друг Сашинькех!* – так называл Ал.П. Чехова один еврейский мальчик еще в Таганроге.

Собственно, переписка А.П. Чехова с братом и обращения к нему представляют собой наиболее интересный материал для изучения лингвистической креативности эпистолярного дискурса. Старший брат был для писателя, пожалуй, наиболее близким человеком на протяжении всей жизни, с одной стороны, и самой сильной болью, с другой. В молодости Ал.П. Чехов отличался незаурядными талантами, в том числе и в литературной деятельности. Именно он первым из братьев перебрался из Таганрога в Москву и стал пробовать реализовать свои способности, но, к сожалению, в силу эксцентричного характера и дурных наклонностей – слыл пьяницей и балагуром – Александр так и не смог наладить жизнь, едва сводил концы с концами, какое-то время жил в незаконном браке, что бросало тень на семью.

Своеобразный стиль переписки Антона и Александра Чехова подчеркивает И.С. Ежов: «Оба адресата были совершенно неистощимы на остроумные выдумки всевозможных прозвищ и эпитетов, то ласкательно-комических, то добродушно-насмешливых, то сверкающих неожиданным оборотом или метким словом, – прозвищ-эпитетов, которыми они изощрялись наделять друг друга чуть ли не в каждом письме и каждый раз по-новому, как бы соревнуясь друг с другом в остроумии и находчивости» [Ежов 1939: 4].

Переписку между братьями и, в частности, обращения к брату и самопрезентации исследует Т.В. Кыштымова. Автор рассматривает «юмористическую палитру А.П. Чехова сквозь игровой дискурс его эпистолярного идиостиля» с целью «углубления представлений о писателе как языковой личности *homo ludens* («человеке играющем»)) [Кыштымова 2008: 221]. Исследовательница предлагает проект словаря «Игровой дискурс эпистолярного идиостиля А.П. Чехова», который включает игровые контексты, извлеченные из переписки писателя, и дискурсивное описание фактов создания комического.

Письма к брату в основном созданы в таком ключе, обращения в них носят в целом оценочно-экспрессивный характер, критикуют его образ жизни и нереализованность: *Брат наш мерзавец Александр Павлович! Шантажист! Ничтожество! Прорва! Алкоголизм! Пьяница! Бездельник!* и даже *ббб!* Это далеко не полный список негативно окрашенных форм обращения к брату, которые в контексте чеховского письма не воспринимаются как оскорбительные.

Интересны примеры обращений, основанных на **переносе лексического значения**. Так, в письме все к тому же Александру А.П. Чехов называет того пренебрежительно *Штаны!* Но затем идет дальше и обращение трансформируется в *Ремешок от штанов!*, что усиливает степень недовольства поведением родственника. Такое обращение к брату встречается в ряде писем, например, «*Первым делом, не будь штанами и прости, что так долго не давал ответов на твои письма*» (15–28 октября 1883 г.); «*Ты, вероятно, сердисься, что я тебе не пишу... Я тоже сержусь и по тем же причинам... Скотина! Штаны!*» (4 января 1886 г.); «*Не будь штанами! Пиши и верь моей преданности*» (3 февраля 1886 г.); «*Не будь штанами и кланяйся всем своим*» (19–20 февраля 1887 г.).

Перенос значения также наблюдается в следующих случаях: *Голова садовая! Дубина!* Таким образом выражается недовольство братом Александром («*Голова садовая! ...Так как у тебя таланта нет, то едва ли ты удовлетворишь вкусам такого литературного человека, как Левинский*» (19–20 февраля 1887 г.). К брату Ивану, который купил фуражку с кокардой он обращается *Кокарда!* К М.М. Дюковскому, у которого часто приходилось одалживать деньги, – *Милейший Банк!* («*Милейший Банк! К Вам опять просьба. Дождусь я своими просьбами того, что Вы дадите мне по ше...*» (ок. 10 января 1886 г.)

Обращает на себя внимание тот факт, что в эпистолярном дискурсе А.П. Чехова наблюдается совсем небольшое количество иноязычной лексики, что можно отнести к особенностям эпистолярия писателя, так как является редкостью для изучаемого исторической периода. Обращаясь к И.Л. Леонтьеву (Щеглову), писатель использует следующее: *Mein Lieber Johann! Johannes Leonis filius!* Встречается также *Sire! Collega! Elegantissime!*

Лингвокреативность на **орфографическом уровне** представлена в эпистолярии, но не в таком объеме, как на лексическом уровне, например, *Милейший друк Алексей Алексеич!*

Лингвокреативность **графического уровня** чуть более интересна. *Братт!* – один из целого ряда способов экспрессивного обращения к непутевому брату. Подчеркнуто уважительное отношение наблюдается к М.М. Чехову и М.Е. Чехову, двоюродному брату и дяде, оно показывается с помощью заглавных букв в случаях, не предусмотренных нормами

русского языка: *Дорогой Дядечка Митрофан Егорович! Дорогой Брат Миша!* В этом случае мы видим этикетную формулу обращения «Дорогой + Кто + Имя + Отчество», которая не претерпевает серьезных изменений ни на одном из уровней языка, кроме графического.

Трансформации **синтаксиса** состоят в распространении обращений, что не характерно для традиции написания писем (*Добрейший и тяжелейший на подъем Франц Осипович! Милейший мой collega и приятель Павел Григорьевич! Филинюга, маленькая польза, взяточник, шантажист и всё, что только пакостного может придумать ум мой!*), и даже осложнении обращений (*Многоуважаемый и добрейший, как самая добрая мамочка, Леонид Николаевич!*). Этикетная формула в таких обращениях осложняется рядами однородных членов, сравнительными оборотами и даже придаточными предложениями. Трансформации на этом уровне не чисто синтаксические – выявляются также лексические и морфологические.

Лингвокреативность **морфемного уровня** выражается в нарочитом использовании превосходной степени прилагательных и причастий, например, *Добрейший столоначальник Александр Павлович! Любезнейший Брат Михаил Михайлович! Драйжайший Брат Миша! Милейший Брат Миша! Размилейший Брат Михаил Михайлович!* Указанные примеры также демонстрируют трансформацию этикетной формулы.

Кроме того, стоит отметить разговорные формы отчеств – *Иваныч, Палыч, Николаич*. С одной стороны, появление таких форм можно объяснить тем, что правила орфографии полностью не сложились в XIX веке, но более детальный анализ показывает, что наряду с этими формами присутствуют и нормативные, соответствующие современным правилам русского языка (*Николаевич, Михайлович, Павлович* и т.д.). Причем усеченные формы встречаются только в дружеских письмах при обращении к одним и тем же адресатам с целью, как мы полагаем, выражения особенного расположения.

Таким образом, исследование показало, что лингвистическая креативность реализуется в обращениях А.П. Чехова к адресатам на всех уровнях языковой системы. Лексическая креативность наиболее частотна. Синтаксический уровень трансформируется не изолированно, а в сочетании с лексическим и морфологическим. Отступления от норм эпистолярного жанра происходят с целью сокращения дистанции с адресатом, что особенно важно при опосредованной межличностной коммуникации, и создания непринужденной манеры диалога. Обращение играет важную роль в этом процессе, так как, открывая общение, задает его тон, а также отражает отношения между автором и адресатом.

На следующем этапе исследования планируется подробное изучение лингвокреативности на каждом уровне и детальная параметризация.

Кроме того, очевидна необходимость сопоставительного изучения эпистолярного дискурса А.П. Чехова и его современников.

Библиографический список

Азарова Н.М. Креативность как слово и как концепт // Критика и семиотика. 2014. № 2. С. 21–30.

Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. 533 с.

Белунова Н.И. Категория речевого общения и особенности ее реализации в тексте дружеского письма (на материале писем творческой интеллигенции конца XIX – начала XX в.) // Филологические науки. 1998. № 2. С. 78–87.

Бутакова Е.С. Лингвистическая креативность в томской эргонимии // Вестник ТГПУ. 2013. № 3 (131). С. 146–152.

Демешкина Т.А. Репрезентация категории пространства в эпистолярном дискурсе Н.В. Гоголя // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2010. №2 (10). С. 11–17.

Демьянков В.З. Языковое творчество и речевая креативность // Язык как медиатор между знанием и искусством: сб. докл. Междунар. науч. семинара. М.: Азбуковник, 2009. С. 11–19.

Долженко Н.Г. Соскунова О.А. Этикетная функция обращений в письмах А.П. Чехова // Вестник угроведения. 2013. № 3. С. 38–46.

Ежов И.С. Александр Павлович Чехов и его переписка с братом Антоном Павловичем // Письма А.П. Чехову его брата Александра Чехова. М., 1939. С. 3–27.

Зыкова И.В. Метаязык лингвокультурологии: константы и варианты. М.: Гнозис, 2017. 752 с.

Курьянович А.В. Коммуникативные аспекты слова в эпистолярном дискурсе М.И. Цветаевой: дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2001. 227 с.

Курьянович А.В. Функциональные возможности эпистолярного дискурса как особой формы межличностной коммуникации // Вестник ТГПУ. 2009. №9. С. 146–150.

Курьянович А.В. Эпистолярная языковая личность: к вопросу определения категориальных и типологических черт // Сибирский филологический журнал. 2014. № 4. С. 255–262.

Кыштымова Т.В. Ономастическая игра в письмах А.П. Чехова к брату (на примере обращений и самопрезентаций) // Известия Уральского государственного университета. Сер. 1, Проблемы образования, науки и культуры. 2008. № 60. Вып. 24. С. 221–225.

Ланге Н.В. Приемы языковой игры в эпистолярном дискурсе А.С. Пушкина // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2009. №3. С. 182–186.

Матвеева И.И. К проблеме межличностной модальности эпистолярного дискурса // Вестник Башкирского ун-та. 2012. №3(1). С. 1539–1542.

Сапожникова Н.В. Философско-антропологическая природа эпистолярного дискурса: автореф. дис. ... докт. филол. наук. Екатеринбург, 2005. 48 с.

Сасимович Е.Р., Лешутина И.А. Иноязычные вкрапления в эпистолярном дискурсе А.И. Герцена // Вестник БГУ. 2012. №2 (1). С. 314–318.

Фесенко О.П. Эпистолярный: жанр, стиль, дискурс // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. №23. С. 132–143.

Фесенко О.П. Диссимметрия фразеосферы дружеского эпистолярного дискурса пушкинской поры // Вестник Томского государственного университета. 2009. №323. С. 52–56.

Фещенко В.В. Семиотика творчества и лингвистика креативности // Общественные науки и современность. 2008. № 6. С. 143–150.

Источники примеров

Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Т. 1-18. Сочинения. Т. 1–12. Письма. М.: Наука, 1974–1983.